

**Владимир
ЛУККОНЕН**
г. Петрозаводск

ДЕУТРАЧЕННАЯ ПАМЯТЬ

Роль генной памяти в воспитании национального самосознания

«К сожалению, есть силы, которые в самом народе, и это часто бывает, отрицают сами себя. Они заняты самооговором.

Я называю это национальным нигилизмом. Явление это такое же реакционное, как и сам национализм...»

Чингиз Айтматов

Моего отца вместе с сестрами вытащили из подвала, где их спрятала моя бабушка, опасаясь за их жизнь. Прикладами и матом вытолкали на улицу и отправили в далекую и неведомую для них Архангельскую губернию. Хозяйство (согласно исследованиям журналиста Пааво Леонтьева, который был земляком моего отца и интересовался судьбой жителей родной деревни), а именно оленье стадо – реквизиrowали и бездарно потеряли при перегоне в Мурманскую область. Именно в этот период погиб мой дед при невыясненных обстоятельствах. Во всяком случае, о причине его гибели не указывается в свидетельстве о смерти, которое мне удалось разыскать в архиве. Семью же выслали как неблагонадежную, не заслуживающую доверия властей, готовящих военную авантюру, которую впоследствии назовут «Зимней войной».

Ни мой отец, ни его сестры уже не вернулись в свою деревню Рехе на севере Карелии, а бабушка, не выдержав ссылки, упокоилась в архангельской земле. Как малолеток, детей распределили по приютам, где они и познали русскую речь, мало похожую на литературную, но давшую понять, что родной их язык враждебный для окружающих и носители его будут наказываться: и голодом, и бранью, и побоями.

В ту пору отцу было 12 лет. Я никогда не слышал, чтобы он говорил на родном языке, загнанным страхом в самые потаенные уголки памяти.

Онемевший язык. Как при insulte: хочешь ска-

зать, а не можешь. Сколько же таких карелов, онемевших от страха неминуемой расплаты за СЛОВО? Никто не считал. Никому и в голову это не приходит.

Легче сказать: «Какой же ты карел, если языка не знаешь!»

Юрий Нечипоренко, исследуя слово «СЛОВО», обнаружил, что в древнерусском языке оно имело четыре значения: дар речи, смысл, поучение, письмо.

1. Дар речи – в этом значении присутствует представление о божественной благодати и благодарности за счастье владеть словом.

2. Смысл (то же значение, что и у греческого логос) – «мысль», восходит к индоевропейскому *meudh-*, *tudh* – «стремиться, страстно хотеть». Древнерусское «идея, суждение, намерение».

3. Поучение – отметим древнеиндийское *ucyati* – «является привычным, подходящим», «находит удовольствие».

4. Письмо – «писать» обозначало «изображать что-либо путем вырезывания или с помощью красок, раскрашивать, делать разноцветным, пестрым».

Слово – это божественный дар, в слове есть смысл, есть поучение и прорисовка (пестротa). Слово имеет религиозную, смысловую, учебную и худо-

жественную ипостаси. Слово как молитва, слово как мысль, как учение и как жест составляют и сливаются в целостное СЛОВО.

Вот какую мощную силу, поддержку, огромное богатство дает Бог человеку посредством слова. Нет, не того слова, массу которого мы привычно и небрежно произносим, не задумываясь о его смысле, на которое нанесено «культурным уровнем» много лишнего и поверхностного. Истинное СЛОВО живет в бабушкиных сказках, в маминых колыбельных, дедушкиных приговорах и прибаутках, в народных песнях и народной мудрости. Именно это слово сохраняет наши корни, делает нас народом.

Классик языкознания Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Дух народа, в свою очередь, воплощается не только в бытовании разговорного языка – но и в обычаях, привычках, ритуалах, сказаниях, образе жизни. При отсутствии овеянной «материальной» и живой поведенческой культуры первым средством трансляции духа народа становится язык».

Но за «онемевший язык» оправдываются «потомки страха». А генетическая память беспокоит, не дает жить в беспамятстве и в неблагодарности к своим истокам. Музыка и образы народа живут в этой памяти, и ничего здесь не поделаешь. Культура предыдущих поколений, создавших облик народа, не может быть убита страхом перед сиюминутными политическими амбициями. Страх может парализовать одно поколение, следующее за ним – его презрит и попытается излечиться...

Но каким образом, если «медицина» практически бессильна и абсолютно меркантильна? Опять же в угоду новым политическим веяниям, где память попирается уже не страхом перед окриком или ударом приклада, но реальной угрозой голода, если ты живешь этой памятью. В данном случае власть разводит руками: «Ты сам выбрал свой путь!» И призывы о помощи здесь бесполезны. Проще изгнать, приклеив унижительные ярлыки, лишит возможности зарабатывать свой хлеб посредством выверенной годами линией и позицией в искусстве, не дававшей сбой до последних признаний о наличии живой генной памяти. О ее влиянии на визуальное отображение культуры народа, где «онемевший язык» заменяет СЛОВО.

Национальное самосознание движет творческим человеком, считающим себя частью своего народа, своей культуры. Он не перенял страх от предыдущего поколения, заявил о себе своим творчеством: будь то музыка, танец или рисунок, опираясь прежде всего на глубинный творческий потенциал многих поколений. Для этого не надо проводить ликбеза по карельскому языку. Достаточно самосознания, подкрепленного генной памятью, которое играет здесь

основополагающую роль. Если же его нет и генная память проявляется из глубины своей, скажем, украинскими или иными образами и мотивами, художник никогда не создаст национального карельского, по сути своей, произведения.

Но слышатся возгласы об экстремизме в кулуарах творческих союзов! Искусство по определению интернационально и позитивно, если, конечно, оно не имеет никакой идеологической подоплеки. Не служит каким-либо политическим целям, как, например, соцреализм, несший в себе агрессию по отношению к самосознанию человека любой нации. На этом направлении в искусстве выросло и воспиталось не одно поколение, и как это скажется в будущем, еще неизвестно. Оно прямолинейно, без глубинных основ, и отличить в нем одну идеологию от другой не составит труда. Чего нет в национальном искусстве, где все намного сложнее, где основную роль играет генетическая память, так старательно и незаслуженно замалчиваемая теоретиками от искусства времен соцарта. Говорилось о присутствии некоего национального характера, не вдаваясь в первопричины, а скорее, выполняя социальный заказ, рассуждая об этом достаточно поверхностно, но удовлетворяя запросы идеологов.

Генетическая же память любого художника, его стремление, самовыражаясь в искусстве, отразит какие-либо национальные характеристики (типажи) чуждого для него народа, без сомнения, отразит особенности того народа (нации), к которому принадлежит этот художник.

Можно с точностью передать нюансы пейзажа конкретной местности, архитектуру или интерьеры. Можно изучить материальную культуру любого народа и на ее основе создать якобы национальное произведение, но типаж, основные характеристики визуального образа человека не поддаются штудированию, даже если этот типаж имеет ярко выраженные особенности. Для европейца все японцы или китайцы – на одно лицо.

Сложнее проникнуть в суть характеристик многообразной массы европейских народов.

Г.Стронк, народный художник Карелии, на протяжении сорока лет работал над образами «Калевалы», создал целый цикл портретов калевальских героев, зачастую прибегая к студийной работе с моделями, подобранными исключительно по национальной, карельской, принадлежности. Но мы видим русские типажи. Казалось бы, парадокс, но ничего парадоксального здесь нет, если учесть упущенный генетический аспект.

У латвийского художника Вилкса явно просматривается прибалтийский, а точнее, латвийский характер.

В портретах калевальского цикла Галлен-Каллелы без сомнения угадывается финский типаж.

Работы над той же темой Н.Кочергина можно с уверенностью назвать работой русского художника. Прекрасные работы, сильные в своем профессионализме, но на карельский менталитет и не в одном поколении (поскольку книги с иллюстрациями этого художника переиздаются до сих пор), сыгравшие неоднозначную роль в психологическом плане.

Обратимся к некоторым исследованиям по поводу влияния генной памяти на деятельность человека, на его психологическое состояние.

Кстати, о генной памяти.

В книге «Тайны гипноза. Современный взгляд» психологом и гипнотерапевтом Л.П. Гримака говорится: «Под генетической памятью понимают способность «помнить» то, чего помнить никак нельзя, то, чего не было в непосредственном жизненном опыте, в житейской практике индивида. (с. 269). Еще ее называют «памятью предков», «памятью Рода» и т.д.

Первое, что можно сказать об этом явлении, – это то, что генетическая память находится где-то на задворках памяти, в дальних уголках подсознания, в сфере ощущений. Она иногда выплывает из подсознания и вызывает неясные образы, впечатления и ощущения.

Согласно исследованиям доктора Дэниела Г.Фридмана (Daniel G.Freedman), профессора-бихевиориста в Чикагском университете, в статье «Этнические различия у детей» (EthnicDifferencesinBabies) в журнале «HumanNature» (январь 1979 г.):

«... можно сказать, что духовный мир каждого человека «генетически настроен на определенные частоты...»

К тем же представлениям приходят педагоги и психологи, работающие с детьми:

«...так как генетическая память человека встроена в области коллективного бессознательного и дана ему «сама собой», то для ее усвоения не требуется специальных усилий. Но при разрушении этой памяти возникает психическое сопротивление в виде самых разнообразных аффектов. Психика ребенка не является чистым листом бумаги, на котором можно написать что угодно. Душа младенца избирательно чувствительна и способна активно реагировать на определенного рода воздействия. Действия, входящие в противоречия с теми структурами коллективного бессознательного, которые определены «социально-культурным» архетипом, вызывают душевные травмы – психозы и неврозы у детей...»

...иначе говоря, подсознание каждого человека, каждого ребенка несет объемные культурные матрицы, содержащие в себе сообщение о норме. Психика ребенка всегда открыта для восприятия информа-

ции, но ребенок способен нормально развиваться только в определенном русле, при выходе за границы которого возникает сигнал опасности – невроз. Т.е. детская психика может занимать любое положение внутри этой матрицы, где хватает пространства для её индивидуальных, групповых и этнических особенностей, не выходящих за рамки общего «социально-культурного» архетипа».

По словам психолога Карла Юнга: «...мы не можем перевести дух чуждой нации в нашу ментальность *inglobo* (целиком – лат.), не нанося ощутимого ущерба последней».

Финно-угорская этническая группа индивидуальна в своем менталитете и имеет определенные отличия от других этнических групп и отдельных наций, а это не рассматривалось серьезно в бытность соцреализма, когда выполнялся социальный заказ на издание «Калевалы» для детей, а если и рассматривалось, то с определенным подтекстом в духе марксистско-ленинской философии.

Национальный типаж нельзя срисовать. Он сидит глубоко в подсознании, его нужно только извлечь и придать ему современные визуальные черты. В этом и заключаются, на мой взгляд, эволюционные процессы, происходящие в культуре народа, в части развития его национального искусства.

Ушедший соцреализм заменили новые направления в искусстве, в которых художник может работать в любой теме, в том числе и национальной, не прибегая к глубоким исследованиям в истоках избранной им темы. Главным образом здесь достигаются цели создания произведения искусства в том или ином направлении многочисленных «измов», которые исключительно интегрированы в общемировом культурном пространстве. Говорить о национальном искусстве здесь даже как-то неловко, поскольку его там нет и быть не может как такового. Художник сам волен, выбрав ту или иную тему, по своему содержанию глубоко национальную, но отвечающую творческим задачам автора, трактовать ее по своему усмотрению, стилизуя в выбранном направлении: будь то неопримитивизм или, предположим, инсталляция в любом стиле. Любой мировой шедевр национальной культуры: карело-финская «Калевала», «Песнь о Гайавате» Генри Лонгфелло или эстонский эпос «Калевипоэг», перестают быть привязанными к своим первоисточкам, теряют свое национальное лицо и растворяются в современном и где-то обезличенном искусстве.

В этом нет ничего плохого или ущемляющего национальное достоинство. Искусство развивается по своим законам, и каждое новое поколение представляет свой взгляд на, казалось бы, канонические вещи, как, скажем, Евангелие.

Но искусство, предназначенное детям, а это прежде всего книжные иллюстрации, в аспекте рассмотрения национальной тематики должно подвергаться серьезному анализу и глубокому изучению, поскольку в данном случае затрагиваются вопросы психологии на начальном этапе развития человеческого интеллекта. Его национального самосознания. Здесь то и нужно говорить, и весьма серьезно, о генетической памяти, невзирая на протесты национальных «нигилистов».

* * *

За пару лет до своей кончины отец вдруг стал петь финские песни. Конечно, под настроение. Этим он меня нимало не удивил. Более того, для него я привозил книги на финском языке. Навещая его, мы частенько сидели на крыльце нашего дома, и он рассказывал мне о своем далеком детстве. Что помнил. А память стерла многие детали уклада их жизни там, в Рехе. Только те эпизоды, которые врезались в его память намертво, цепко хранила она. И родной язык. Не забыл он его. Помнил всю жизнь.

– Батя, почему же ты нас не учил родному языку? Было бы с кем поговорить...

Он отмалчивался... То ли еще страх таился в душе, то ли стыдился за свой страх.

И вдруг:

– Нуваайта. Нувааyotta. Знаешь что это?

– Да, знаю.

– А ну, повтори!

Повторяю.

– Не так. Не так!!! Нувааyotta.

Так мы частенько сидели, да, видать, позднавото мой отец спохватился. Но я его за это не осуждаю. Не имею права осуждать его за страх за своих детей, которым он желал лучшей доли. Без окриков и упреков. Откуда ж ему было знать обо всех превратностях судьбы. Лишенного детства и родины ему и одному с лихвой хватило. Ну а я как-нибудь с непониманием своего «СЛОВА» в творческой биографии справлюсь.

Один уважаемый председатель не менее уважаемой организации как-то сказал мне:

– Что ж ты все карелом-то себя называешь? А сам даже по-карельски не говоришь!

Что же тут поделывать, если я родился в смешанной семье и родным языком для меня стал русский. Но тянулся я к отцовским корням, не понимая почему, с самого детства. При этом интуитивно двигаясь в направлении познания своих истоков, своей культуры. И говорили мне не раз, уже позднее: «Какой же ты карел, если ты родился в Пудоже?», удивительным образом не понимая исторически сложившейся ситуации со многими народами России, где все и всё перетасовывалось, где проводилась определенная политика по отношению к национальным регионам. И родись я хоть в Африке, а говори на японском – все равно я считал бы себя карелом. По природе своей и врожденной памяти и по осознанию того, что мои предки покоятся в кладбищенских борах северной Карелии по обе стороны границы.

□

Владимир Ханнесович ЛУККОНЕН

родился в 1959 году в Пудожском районе РК.

С начала 80-х профессионально занимаюсь изоискусством,

пройдя путь от внештатного художника издательства

до главного редактора журнала комиксов «РЕКС».

Публиковался в республиканских СМИ, в Москве, в Финляндии

и в интернет-изданиях с теоретическими статьями

по вопросам современной карельской культуры.

В 1992 году – издание книжки для детей «Неудачная рыбалка»,

в 2009 году – «Куллерво».

Лауреат финно-угорского фонда.

